

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ КАК ОПЫТ «СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ»

М.С. Потёмнина

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград

Аннотация. В контексте опыта культурной травмы в статье рассматривается механизм выстраивания интракультурного диалога восточных и западных немцев после 1989 года. Художественные тексты, созданные в этот период, становятся важной частью метадискурса, в котором формируется мультиперспективная панорама современности. «Стена в головах», судя по художественным текстам этого периода, может оказаться намного прочнее, чем берлинская стена. «Восточные и Западные немцы отдаляются друг от друга», – таковы результаты многочисленных опросов населения Германии.

В связи с отражением этого явления в современной немецкой литературе возникает необходимость проследить через нарратив «историю разъединений» (Ю. Беккер) с целью выявления способов инсценировки в художественном дискурсе происходящих в обществе процессов.

В литературном поле Германии этого периода, с одной стороны, наблюдается содержательная и формальная манифестация литературного консерватизма, с другой – важным элементом авторской саморефлексии становится деконструкция текста, субъекта и языка. При этом литературные границы нарушаются писателями в нескольких аспектах: 1) через экстремизм неприкрашенного изображения всех граней интеракции общества и индивидуума на содержательном уровне (П. Шнайдер, Г. Нойманн); 2) через экспериментальную эстетику бескомпромиссного изображения действительности, осваивающую новые формы выражения на орфографически-типографическом уровне (Р. Йиргль).

Ключевые слова: Объединение Германии, немецкая проза, травма, П. Шнайдер, Р. Йиргль, Г. Нойманн.

GERMAN REUNIFICATION AS “SOCIOCULTURAL TRAUMA” EXPERIENCE

Abstract. The article examines the mechanism for constructing an intracultural dialogue between East and West Germans after 1989 in the context of the “cultural trauma” experience. Literary texts created during that period of time become an important part of meta-discourse, in which a multiperspective panorama of the present is formed. Judging

by the literary texts of that period “the wall in the heads” (P. Schneider) may turn out to be much more solid than the Berlin wall. The results of the numerous opinion polls in Germany show that “East and West Germans are drifting away from each other”.

Due to the reflection of this phenomenon in modern German literature it becomes necessary to trace “the history of separation” (J. Becker) through the narrative in order to find means to depict occurring in the society processes in the literary discourse.

In the literary field of Germany of this period there is a content and formal manifestation of literary conservatism, on the one hand, and deconstruction of the text, subject and language becomes an important element of the author’s self-reflection, on the other hand. At the same time, literary boundaries are violated by writers in several aspects: 1) through extremism of picturing unvarnished all facets of the interaction between the society and the individual at the content level (P. Schneider, G. Neumann); 2) through the experimental aesthetic of an uncompromising depiction of reality, mastering new forms of expression at the orthographic-typographical level (R. Jirgl).

Key words: Reunification of Germany, German prose, trauma, P. Schneider, R. Jirgl, G. Neumann

Объединение Германии стало для немецких читателей, писателей и их протагонистов травматичным событием, запустившим механизм де(конструкции) воспоминаний. В контексте опыта «культурной травмы» на локальном уровне производится переоценка прошлого, а на глобальном уровне, благодаря медийным инструментариям, в фокус внимания попадают события, которые долгое время находились на периферии общественного сознания.

Термины «память», «воспоминания» и «травма» все чаще рассматриваются в контексте научной парадигмы, которая, начиная с 1990-х годов, представляет собой широкое трансдисциплинарное исследовательское поле. Вопросами памяти и травмы занимаются представители нейронаук и психологии [Schacter 1996; Williams, Banyard 1998], исторических наук [Roth 2012], социологии [Welzer 2001], культурологии [Assmann, Höllscher 1988; Assmann 1992; Assmann 2002] и литературоведения [Gansel 2009; Erl, Nünning 2005; Basseler, Birke 2005].

Спустя несколько лет после Объединения в СМИ отмечается рост предубеждений и латентной агрессии, появившийся между Востоком и Западом после падения Берлинской стены. Объединение Германии рассматривается как «стресс» (Wendestress) [Schmitz 1995] и «кризис» (Vereinigungskrise) [Kocka 1995], а также часто сравнивается с такими формами душевных заболеваний, как шизофрения и диссоциативное расстройство идентичности [Roters 1997, 18].

Характерной формой реакции на происходящие события в обществе, по мнению К. Дикмана, становится молчание. На Западе – это «безмолвие,

граничащее с презрением», в то время как «Восток Германии судорожно сжимается и замыкается в себе – реакция, характерная для первых признаков депрессии» [Dieckmann 1998]. А. Тумфарт, изучив результаты исследования об образе Восточной Германии в СМИ после 1989 г., делает следующий вывод: «Несмотря на то что СМИ избегают создания образа врага в лице восточного или западного немца», это избегание достигается путем «молчания и тишины». При этом «молчание и растерянность, показанные по телевизору, сопровождаются таким же молчанием у сидящих перед экраном» [Thumfart 2002, 716].

Примером изображения подобного молчания может служить роман Герта Ноймана «Расчёт» (“Anschlag”) [Neumann 1999], в котором автор говорит о невозможности немецко-немецкого диалога, поскольку любая коммуникация восточного и западного немца априори будет отягощена недосказанностью и предположениями, не находящими подтверждения или опровержения, а также имплицитными обвинениями.

Главный герой – восточный немец – мечется между откровением и самоотрицанием и, в итоге, принимает решение «позаботиться о чистоте молчания» [Neumann 1999, 50]. Слова, используемые в разговоре с западнонемецким собеседником, подвергаются ревизии и проверяются на соответствие их обозначаемому и, тем самым, на правдивость и достоверность. А поскольку «после такого решения единственной достоверной данностью разговора стало молчание» [Neumann 1999, 51], оно становится неотъемлемой частью имплицитного диалога. «При этом нельзя было разобрать, связаны ли он и я молчаливым дуэтом или молчаливой дуэлью», – отмечает герой [Neumann 1999, 27]. Молчание становится частью коммуникации. При этом создавшееся положение разбирается и обсуждается, а предъявляемые друг другу чрезмерные требования, вынуждающие одного говорить, а другого слушать, ставятся под сомнения.

Чрезмерные требования предъявляются и к литературе. Процесс объединения сопровождается не столько синергетической аккумуляцией двух литературных традиций, сколько многочисленными попытками поглотить одну культуру (ГДР) другой (ФРГ).

В первое десятилетие после объединения Германии, как отмечает в своем исследовании Т. Мозер, наблюдается удручающая ситуация, когда литература ГДР рассматривается западными писателями как литература, принадлежащая чужой иноязычной культуре. В «моральной драме Поворота» [Moser 1992, 206] произведения и даже личность писателей из ГДР подвергаются сомнению и дискредитируются (немецко-немецкий литературный спор),

поэтому западные писатели воспринимаются их восточными коллегами как колонизаторы чужой культуры.

Обесценивание восточнонемецкой литературы западными издателями ярко описывается в романе Р. Йиргля «Прощание с врагами» (“Abschied von den Feinden”). Передача автобиографической рукописи редактору становится не только травматичным опытом для восточнонемецкого автора, но и обнажает внутренний и внешний конфликт, сопровождающий писателей из бывшей ГДР, обнаруживших себя в обесценивающем их и их творчество контексте.

Фрагменты манускрипта не просто зачитываются редактором, но и иронично комментируются. Описанные в сценарии драматические события саркастично рассматриваются как часть «немецкой-комедии-с-глубоким-смыслом» [Jirgl 2010, 82], кульминационные моменты не только высмеиваются и банализируются, но и каталогизируются как «скуку отродья от наводящего скуку отродья для наводящего скуку отродья» [Jirgl 2010, 83]. Постепенно от оценки рукописи сотрудники редакции переходят к обсуждению восточнонемецких писателей. У «этих, с той стороны стены» нет «ничего своего, никакого самоуважения», они не годятся даже на то, чтобы быть «литературными неграми», так как хотят показаться ироничными, но «эти немцы не способны и на это» [Jirgl 2010, 82]. Их «действительность еще глупее, чем выдуманная реальность» [Jirgl 2010, 83], «этих зоны нельзя допускать к написанию текстов: до *Этих* все еще не дошло, что их попрошайничество и давление на жалость на современном рынке уже давно не в тренде... Что это были за прекрасные времена, когда стена еще стояла!» [Jirgl 2010, 87] Не удивительно, что все авторы из бывшей ГДР, с которыми был заключен договор, по наблюдениям редактора, в «последние годы впали в депрессию, перестали писать» [Jirgl 2010, 80]. Как видно из примеров, западный издатель через обесценивающие комментарии самоутверждается, находит в этом действии источник собственной силы и могущества, а восточнонемецкий автор оказывается в ситуации жертвы, эмоционально уязвимой и истощенной, впадает в уныние и разочарование, ощущение беспомощности и ничтожности. «Немецкая-комедия-с глубоким смыслом» [Jirgl 2010, 82] проигрывает ходовому товару каннского и голливудского уровня [Jirgl 2010, 83].

Такой процесс вытеснения всего чужого кажется логичным в предлагаемых обстоятельствах. Музыкант и режиссер Ханс-Экардт Венцель отмечает в одном из своих интервью: «Неудивительно, что колонизаторы убивали сначала колдунов, певцов племени, так как именно они сохраняли культурную идентичность народа» [цит. по Hirdina 1990, 154].

Метафоричное описание критиком Тильманом Мозером событий, разворачивающихся в Германии после 1989 г., как театральной постановки, кажется, очень ярко отражает и всё происходящее в литературном сообществе этого времени: «Ликвидация прошлого “по ту сторону стены” [...] приобрела форму медийного спектакля. Бесчисленные преступники и жертвы играют в этой моральной драме на открытой сцене. Гигантский хор окружает актеров, как в греческой трагедии. Вот только функции хора разнообразнее: основной задачей его является не только комментировать и разъяснять, но и реализовать авторские манипулятивные техники. При этом речь идет, например, о демонстрации силы, травле, обвинениях, реализации собственных политических целей, увеличении тиражей, отвлекающих маневрах, скрытых политических средствах воздействия, замещающих войны. Перед нами борьба за обладание таким капиталом, как новейшая информация, получаемая зачастую из подозрительных источников» [Moser 1992, 20]. Если в театре гетерогенные культурные системы синтезируются, пересекаются друг с другом, накладываются друг на друга, то в постмодернистском медийном театре друг на друга наслаиваются гетерогенные дискурсы.

Похожая идея реализуется и на страницах романа Петера Шнайдера «Возвращение Эдуарда» (“Eduards Heimkehr”) [Schneider 2005]. Главный герой отправляется со своим другом писателем Теодором Ванебергом в театр. На сцене Фольксбюне его внимание привлекают сюрреалистичные переплетения сценического действия: «Постепенно зритель замечает, что одни и те же четыре или пять актеров играют на сцене и периодически меняются ролями: тот, кто только что играл западного немца, в следующей сцене должен был оказаться в шкуре своего противника. Каждое действие и порождающие его конфликты никак не завершались. Только ты вставал на сторону одного из участников, как сцена повторялась в слегка измененной конstellации. Старик с Востока возвращается на сцену в образе молодого мужчины-сотрудника службы госбезопасности, чтобы признаться, что он смог обманом благодаря доносу получить участок своего соседа. В следующей вариации его жертва, мужчина из Западной Германии, вынужден ответить на вопрос, каким образом его отец получил этот участок в собственность во времена нацизма...» [Schneider 2005, 185]. Важно при этом, что главных героев романа интересует не столько то, что происходит на сцене, сколько реакция на спектакль зрителей. Они чувствуют себя все в большей растерянности, реагируют невпопад, сдерживают свое возмущение и даже физическое отторжение происходящего на сцене. Актеры же становятся все агрессивнее, используют запрещенные табуированные приемы,

изображают ту ненависть, которая существовала между еще совсем недавно разделенными немцами.

Зрители проявляют неадекватную когнитивно-поведенческую реакцию на происходящее. С одной стороны, они «растеряны», «нерешительны», «ошеломлены», с другой, после того, когда момент протеста был упущен, они все с большей «завороженностью» следили за неистовством и блевоотиной на сцене» [Schneider 2005, 186]. Утратив чувство собственного достоинства, пытаясь сдержать свой страх, публика все глубже погружается в эмоциональную зависимость от травмы: «Там, где любая другая публика мира просто встала бы и ушла, для этой публики, казалось, наслаждение театром только начиналось. Она чувствовала себя по-настоящему хорошо лишь тогда, когда со сцены её оскорбляли, в нее плевали, оскверняли и обливали помоями – так, словно жизнь снаружи страдала от избытка красоты» [Schneider 2005, 186].

Такая реакция публики очень удивляет главного героя и его спутника. По мнению писателя Тео, искусство — это реакция на общество, пытающееся подавить поток. Именно в этой части Германии публика десятилетиями удерживалась в состоянии колонизированных, а поток энергии, всё креативное и эмансипированное, уходило в подполье, там искривлялось и коржилось, поэтому смогло выйти наружу только через водосток. «Совсем без насилия, как этого бы всем хотелось, отделение от диктатуры не разыгрывается. Он [Тео], а еще больше режиссер, не сделали бы ничего иного, чем просто немного приподнять крышку этого люка» [Schneider 2005, 188].

Творчество, действительно, часто становится для писателя, режиссера или читателя средством, с помощью которого ему удается справляться с переживаниями. Так, Райнхард Йиргль отмечает в одном из своих интервью, что письмо – это его способ быть в этом мире. «Я пишу не для того, чтобы найти себе место в какой-то уже зарекомендовавшей себя системе координат, скорее, наоборот, мне важно из(обрести) из двух реальностей “Я” и “Другого” – этого поля конфликтов и напряжения человека – свой собственный текстуальный порядок (в орфографии и пунктуации)» [Kammler 2007, 24].

М. И. Демир отмечает, что даже язык Йиргля является отражением «коммуникативных расстройств» общества [Demir 2016: 34]. Основными темами его прозы становятся насилие, садизм, страх, уничтожение, боль и дезориентированные, окаменевшие от горя люди, чья агрессия направлена как наружу, так и на самих себя.

В трилогии Р. Йиргля «Генеалогия убийства» (“Genealogie des Tötens”) [Jirgl 2010b] показаны все аспекты травматического опыта.

В тексте «Мама-папа-роман» (“Muter Vater Roman“) [Jirgl 1990] изображены (пост)травматичные переживания берлинской супружеской пары непосредственно после Второй мировой войны. При этом на первый план выдвигается не столько реконструкция определенного исторического периода, сколько экзистенциальный опыт двух изуродованных войной и разделением Германии личностей. Чувства главных героев, рассмотренные почти под микроскопом, позволяют читателю составить мозаичную картину исходящего от государственного аппарата насилия, чья разрушительная сила приводит к размыванию идентичности и отчуждению людей друг от друга.

Отчуждение как основа человеческого бытия становится центральным мотивом и романа Р. Йиргля «В открытом море» (“Im offenen Meer“) [Jirgl 1991]. В отличие от «Мама-папа-романа» фокус внимания автора направлен не на судьбы людей в контексте их идеолого-политического прошлого, а на отношение «Я-фигуры», находящейся в пограничном состоянии между трансом и травмой, к Восточному Берлину 1980-х годов. Восточный Берлин показан в романе как обезличенный преступный мир. Жестокие убийства описываются через создание сюрреалистичных образов. Отчуждение при этом гиперболизируется: коллеги кочегара бросают его в котельную установку, тяжело раненный дает прохожим указания, как следует разрезать его внутренности, на скотобойне истощенные человеческие тела перерабатываются в консервы.

С опытом травмы связаны и лейтмотивы, повторяющиеся во многих произведениях Р. Йиргля. Одним из таких мотивов являются рои мух – «крошечные атакующие машины» [Jirgl 2010a, 63], которые кружат вокруг человека и «отнимают воздух для дыхания» [Jirgl 2010a, 168]. Другой мотив – крик. Будь то крик от бессилия и страха («Мама-папа-роман», «Прощание с врагами») или крик боли или смерти («Собачьи ночи», «Генеалогия убийств»). В третьей части «Генеалогии убийств» крик выступает как перформативный элемент, который, имея потенциал отчуждения, наряду с другими стилистическими средствами, нацелен на ирритацию привычных способов рецепции.

В третьей части «Генеалогии убийств» «Новости простофили из разрушенной = жизни» (“Kaffer-Nachrichten aus dem zerstörten = Leben“) проводится параллель между отдельным телом и общественным телом, формированием собственного тела и государственной политикой тела. В книге показана языковая борьба между полностью отвергающим интеграцию в обществе пожилым человеком и его психиатром, олицетворяющим патриархальную модель мышления власти государства. Текст большей частью состоит из монологов старика, который переизживает из провинциального городка Биркхайма в Бер-

лин, после того как он якобы выколол глаза полицейскому во время жестокого нападения. В то время как старик в своей старой восточнонемецкой квартирке впадает в фантастические воспоминания, его охраняет и за ним наблюдает психиатр, который использует его в качестве подопытного объекта и наказывает электрошоком.

Овеществление человека показано в этом произведении и через язык. (Из обретающий собственные воспоминания мужчина отказывается производить с помощью слов имеющие смысл и отражающие правду предложения, которые могли бы помочь психиатру составить законченную картину болезни при помощи критериев психоанализа. В отличие от психоанализа, язык не позволяет обнаружить секрет тяжело определяемого Я, язык представляется как игровая комбинация словесного материала. Столкнувшись с границами собственной речи, пациент спрашивает себя, не является ли и существование психиатра лишь эхом его разговоров с самим собой [Jirgl 2010b, 576].

Приемы, которыми пользуется автор, часто вызывают у читателя когнитивный диссонанс. Полифоничные голоса рассказчиков, неожиданные изменения темпа повествования, нарушающего линейность временных и пространственных структур, а также содержательная грубая наглядность позволяют реципиенту заглянуть в самые темные глубины человеческих душ.

Саморефлексия и автокоммуникация, таким образом, становятся наиболее репрезентативными формами художественного мышления писателей прежде всего восточной части Германии после объединения. Художественные тексты, созданные в этот период, становятся важной частью метадискурса, в котором формируется мультиперспективная панорама современной немецкой истории.

Литература

- Assmann A. Vier Formen des Gedächtnisses. In: Erwägen, Wissen, Ethik, Streitforum für Erwägungskultur. Stuttgart, 2002. H. 13. S. 183–198.
- Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. München, 1992.
- Assmann J. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität. In: Assmann J., Hölscher T. (Hrsg.): Kultur und Gedächtnis. Frankfurt a.M., 1988.
- Basseler M., Birke D. Mimesis des Erinnerns. In: Erll A., Nünning (Hrsg.). Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft. Theoretische Grundlegung und Anwendungsperspektiven. Berlin; N. Y., 2005. S. 123–148.
- Diekmann Ch. Das wahre Leben im Falschen. Geschichten von der ostdeutschen Identität. Berlin, 1998.

- Gansel C. Rhetorik der Erinnerung. Zur narrativen Inszenierung von Erinnerung in der Kinder- und Jugendliteratur und Allgemeinliteratur. In: Gansel C., Korte H. (Hrsg.): *Kinder- und Jugendliteratur und Narratologie*. Göttingen, 2009. S. 13–40.
- Hirdina K. Umgang mit den alten Erfahrungen. In: *Neue Deutsche Literatur*. 38 Jg., 1990, Heft 454 (Oktober), S. 154–163.
- (a) Jirgl R. *Abschied von den Feinden*. München, 2010.
- (b) Jirgl R. *Genealogie des Tötens*. München, 2010.
- Jirgl R. *Muter Vater Roman*. Berlin, Weimar, 1990.
- Jirgl R. “Schlußwort für einen ‘Nachlaß zu Lebzeiten’”. In: Jirgl R. *Genealogie des Tötens*. München, 2010.
- Kammler C., de Winde A. “Schreiben – das ist meine Art, in der Welt zu sein“. Gespräch in Briefen mit Reinhard Jirgl. In: Clarke D., de Winde A. (Hrsg.). *Reinhard Jirgl. Perspektiven, Lesearten, Kontexte*. Amsterdam, New York, 2008. S. 21–59.
- Kocka J. *Vereinigungskrise. Zur Geschichte der Gegenwart*. Göttingen, 1995.
- Moser T. *Vorsicht Berührung. Über Sexualisierung, Spaltung, NS-Erbe Und Stasi-Angst*. Frankfurt a. M., 1992.
- Neumann G. *Anschlag*. Köln, 1999.
- Roth, M. S. *Memory, Trauma, and History: Essays on Living with the Past*. I-Vi. Columbia University Press, 2012.
- Rotters E. Die Spannweite der Konflikte. In: Gillen E. (Hrsg.) *Deutschlandbilder: Kunst aus einem geteilten Land*. Köln, 1997. S.18–20.
- Schacter D. *Searching for Memory*. New York, 1996.
- Schmitz M. *Wendestress. Die psychosozialen Kosten der deutschen Einheit*. Berlin, 1995.
- Thumfart A. *Die politische Integration Ostdeutschlands*. Frankfurt am Main, 2002.
- Welzer H. (Hrsg.) *Das soziale Gedächtnis*. Hamburg, 2001.
- Williams L., Banyard L. (Hrsg.) *Trauma and Memory*. Thousand Oaks; London; New Delhi, 1998.

Refere references

(Articles from Scientific Journals)

- Assmann A. Vier Formen des Gedächtnisses [Four formats of memory]. *Erwägen, Wissen, Ethik, Streitforum für Erwägungskultur*. Stuttgart, 2002. H. 13. S. 183–198. (In German).
- Hirdina K. Umgang mit den alten Erfahrungen [Dealing with the old experiences]. *Neue Deutsche Literatur*, 38 Jg., 1990, Heft 454 (Oktober), S. 154–163. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Assmann J. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität [Collective memory and cultural identity]. Assmann J., Hölscher T. (Hrsg.): *Kultur und Gedächtnis*. Frankfurt a. Main, 1988. (In German).
- Basseler M., Birke D. Mimesis des Erinnerns [Mimesis of remembering]. Erll A., Nünning (Hrsg.). *Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft. Theoretische Grundlegung und Anwendungsperspektiven*. Berlin; N. Y., 2005. S. 123–148. (In German).
- Gansel C. Rhetorik der Erinnerung. Zur narrativen Inszenierung von Erinnerung in der Kinder- und Jugendliteratur und Allgemeinliteratur [Rhetoric of memory. On the narrative staging of memory in children's and youth literature and general literature]. Gansel C., Korte H. (Hrsg.): *Kinder- und Jugendliteratur und Narratologie*. Göttingen, 2009. S. 13–40. (In German).
- Kammler C., Arne de Winde. “Schreiben- das ist meine Art, in der Welt zu sein“. Gespräch in Briefen mit Reinhard Jirgl [“Writing – that's my way of being in the world”. Conversation in letters with Reinhard Jirgl]. Clarke D., de Winde A. (Hrsg.). *Reinhard Jirgl. Perspektiven, Lesearten, Kontexte*. Amsterdam, New York, 2008. S. 21–59. (In German).
- Rotters E. Die Spannweite der Konflikte [The span of conflicts] // Gillen E. (Hrsg.) *Deutschlandbilder: Kunst aus einem geteilten Land*. Köln, 1997. S. 18–20. (In German).

(Monographs)

- Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis* [Cultural memory]. München, 1992. (In German).
- Diekmann Ch. *Das wahre Leben im Falschen. Geschichten von der ostdeutschen Identität* [The real life in the wrong. Stories from the East German identity]. Berlin, 1998. (In German).
- (a) Jirgl R. *Abschied von den Feinden*. München, 2010. (In German).
- (b) Jirgl R. *Genealogie des Tötens*. München, 2010. (In German).
- Jirgl R. *Muter Vater Roman*. Berlin, Weimar, 1990. (In German).
- Jirgl R. “Schlußwort für einen ‘Nachlaß zu Lebzeiten’”. Jirgl R. *Genealogie des Tötens*. München, 2010. (In German).
- Kocka J. *Vereinigungskrise. Zur Geschichte der Gegenwart* [Unification crisis. To the history of the present]. Göttingen, 1995. (In German).
- Moser T. *Vorsicht Berührung. Über Sexualisierung, Spaltung, NS-Erbe Und Stasi-Angst* [Careful touch. About Sexualization, Division, Nazi Inheritance, and Stasi-Anxiety]. Frankfurt a. M., 1992. (In German).
- Neumann G. *Anschlag*. Köln, 1999. (In German).
- Roth, M. S. *Memory, Trauma, and History: Essays on Living with the Past*, I-Vi. Columbia University Press, 2012. (In English).

- Schacter D. *Searching for Memory*. New York, 1996. (In English).
- Schmitz M. *Wendestress. Die psychosozialen Kosten der deutschen Einheit* [Turning stress. The psychosocial costs of German unity]. Berlin, 1995. (In German).
- Thumfart A. *Die politische Integration Ostdeutschlands* [The political integration of East Germany]. Frankfurt am Main, 2002. (In German).
- Welzer H. (Hrsg.) *Das soziale Gedächtnis* [Social memory]. Hamburg, 2001. (In German).
- Williams L., Banyard L. (ed.) *Trauma and Memory*. Thousand Oaks; London; New Delhi, 1998. (In English).

Сведения об авторе:

Потёмнина Марина Сергеевна, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, кандидат филологических наук, доцент, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
E-mail: mpotemina@mail.ru, mpotemina@kantiana.ru

Potjomina Marina S., Immanuel Kant Baltic Federal University, PhD in Foreign Literature, Associate Professor at Institute for Humanities Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia;
E-mail: mpotemina@mail.ru, mpotemina@kantiana.ru

МЕТАДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ

Л.А. Чистякова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец

Аннотация. Немецкоязычная литература 90-х годов стала предметом горячих дискуссий не только в литературных кругах, но и во всем медийном пространстве объединенной Германии.

Одним из подтекстов общественного резонанса литературных событий было восточно-западное ментальное противостояние. Оценка политических взглядов и общественной позиции авторов со знаком «плюс» или «минус» стала определяющей для вынесения вердикта о собственно эстетических достоинствах их произведений. Литературные дебаты были перенесены в область общественного и политического скандала. Яркий пример тому – резкая критика рассказа Кристи Вольф «Что остается».

Вопрос о политической ангажированности писателей ГДР имеет и другую сторону. Запрещенные ранее в Восточной Германии книги вызвали, напротив, особый интерес на Западе. Так же, как официальная ГДР ожидала похвалы в свой адрес, так и западные рецензенты в каждой книге искали свидетельства бунта. Несогласие с культурной политикой ГДР стало своего рода барьером, который должна была преодолеть любая книга из ГДР, чтобы быть принятой на Западе. Сами художники негативно оценивали такую ситуацию, понимая необъективность и пристрастность читателя ФРГ по отношению к их произведениям. Ситуация, в которой оказались восточногерманские писатели после объединения, становится, наиболее наглядной на примере популярного и активно обсуждаемого в 1990-е годы автора Юрека Бекера.

Ключевые слова: объединение Германии, социокультурное событие, литературные дебаты, эстетические критерии, Юрек Бекер, социализм.

METADISOURSE APPROACH TO THE WORKS OF GERMAN LITERATURE AFTER UNIFICATION OF GERMANY

Abstract. The 90s literature in the German language became an object of heated discussions not only in literary circles but in the whole media space of united Germany.

One of the concealed meanings of social response to literary events was the East-West mental confrontation. Positive or negative appreciation of the authors' political views and